

1. Х. Ортега-и-Гассет. «Что такое философия?»

Мы должны поставить вопрос о том, почему человеку вообще приходит в голову заниматься философией.

Почему у человека — вчера, сегодня, завтра — возникает желание философствовать? Нужно получше разобраться в том, что скрывается за привычным словом «философия», чтобы затем ответить на вопрос, «почему» люди философствуют.

В этой новой перспективе наша наука вновь обретает черты, свойственные ей во времена расцвета, хотя в процессе развития и мышления некоторые из них приняли новую, более строгую форму. Что представляет собой, на наш взгляд, возрожденная философия?

Я собираюсь ответить на этот вопрос, выделив ряд её признаков, через определение которых я постепенно, день за днём, буду раскрывать общий смысл понятия.

Первым на ум приходит определение философии как познания Универсума. Однако это определение, хотя оно и верно, может увести нас в сторону от всего того, что её отличает: от присущего драматизма и атмосферы интеллектуального героизма, в которой живёт философия и только философия. В самом деле, это определение представляется *contrapposto* (антитезисом, противопоставлением) возможному определению физики как познания материи. Но дело в том, что физика сначала очерчивает границы последней, и только затем берётся за дело, пытаясь понять её внутреннюю структуру. Математик также даёт определение числу и пространству, то есть все частные науки стараются сначала застолбить участок Универсума, ограничивая проблему, которая при подобном ограничении часто перестаёт быть проблемой. Иными словами, физику и математику заранее известны границы и основные атрибуты их объекта, поэтому они начинают не с проблемы, а с того, что было бы только частью, куском, фрагментом. *Итак, философ, в отличие от любого другого учёного берётся за то, что само по себе неизвестно.* Нам более или менее известно, что такое часть, доля, осколок

Универсума. По отношению к объекту своего исследования философ занимает совершенно особую позицию, философ не знает, каков его объект, ему известно о нём только следующее: во-первых, что это не один из остальных объектов; во-вторых, что это целостный объект, что это подлинное целое, не оставляющее ничего вовне себя, и тем самым, единственное самодостаточное целое. Но как раз ни один из известных или воображаемых объектов эти свойством не обладает. Итак, Универсум – это то, чего мы, по существу, не знаем, что нам абсолютно неизвестно в своём положительном содержании.

Совершая следующий круг, можно сказать: другим наукам их объект даётся, а объект философии как таковой – это именно то, что не может быть дано; поскольку это целое нам не дано, оно в самом существенном смысле должно быть *искомым*, постоянно искомым. Ничего удивительного в том, что наука, которая должна начинать с поисков своего объекта, то есть проблематична даже по своему предмету и объекту, по сравнению с другими науками ведёт менее спокойную жизнь и не может наслаждаться тем, что Кант называл *der sichere Gang* (достоверный шаг). Философия, исповедующая чистый теоретический героизм, никогда не шла этим надёжным, спокойным и буржуазным путём. Как и её объект, она является универсальной и абсолютной наукой, ищущей себя. Так назвал её первый знаток нашей дисциплины Аристотель: философия – наука, которая себя ищет.

Однако в вышеприведённом определении «философия – это познание Универсума», слово «познание» имеет иное значение, чем в прочих научных дисциплинах. Познание в строгом, изначальном смысле – это конкретное позитивное решение проблемы, то есть совершенное проникновение субъекта в объект с помощью разума. Итак, будь познание только этим, философия не могла бы претендовать на свою роль. Вообразите, что нам в нашей философии удалось доказать, что конечная реальность вселенной конституирована абсолютно своенравной, авантюрной и иррациональной волей, - в действительности это считал своим открытием Шопенгауэр. Тогда не может быть и речи о проникновении субъекта в объект, ибо иррациональная

реальность будет непроницаема для разума, однако никто не сомневается, что это безупречная философия, не хуже других, для которых бытие в целом прозрачно для мысли и покорно разуму – основная идея всего рационализма.

Тем не менее, мы должны сохранить смысл термина «познание» и заявить, что если в самом деле он преимущественно означает проникновение мысли в Универсум, то можно установить шкалу ценностей познания в соответствии с большим или меньшим приближением к этому идеалу. Философия, в первую очередь, должна определить максимальное значение этого понятия, одновременно оставив открытыми его более низкие уровни, которые впоследствии окажутся теми или иными методами познания. Поэтому я предлагаю, определяю философию как познание Универсума, понимать под этим целостную систему умственной деятельности, в которую систематически организуется стремление к абсолютному знанию. Итак, совокупность мыслей может стать философией при одном условии: реакция разума на Универсум должна быть такой же универсальной, целостной – короче, должна быть абсолютной системой.

Таким образом, от философии неотделимо требование занимать теоретическую позицию при рассмотрении любой проблемы – не обязательно решать её, но тогда убедительно доказывать невозможность её решения. Этим философия отличается от других наук. Когда последние сталкиваются с неразрешимой проблемой, они просто отказываются от её рассмотрения. Философия, напротив, с самого начала допускает возможность того, что мир сам по себе – неразрешимая проблема. И доказав это, мы получим философию в полном смысле слова, точно отвечающую предъявленным к ней требованиям.

Для прагматизма и всех так называемых «естественных» наук, неразрешимая проблема – не проблема, при этом неразрешимость понимается как неразрешимость с помощью заранее установленных методов. Следовательно, проблемой в них называется «то, что можно решить», а поскольку решение состоит из определённых манипуляций, - «то, что можно

сделать». На деле прагматизм – это практицизм, подменивший собой любую теорию... Но в то же время – это честная теория, в которой выражен познавательный метод частных наук, хранящий следы практической деятельности, не стремящейся к чистому знанию, и, следовательно, не признающий неограниченных проблем.

Спрашивается, откуда берётся это влечение к Универсуму, к целостности мира, лежащее в основе философии? Это влечение, которое якобы отличает философию, есть просто-напросто врождённая и спонтанная жизнедеятельность нашего разума. Понимаем мы это или нет, когда мы живём, стремясь к окружающему миру, полноту которого чувствуем или предчувствуем. Человек науки – математик, физик – расчленяет эту целостность нашего жизненного мира, отделяя от него кусок, делает из него проблему. Если познание Универсума, или философия, не поставляет истин по образцу «научной истины», тем хуже для последней.

«Научную истину» отличают точность и строгость её предсказаний. Однако эти прекрасные качества получены экспериментальной наукой в обмен на согласие не покидать плоскость вторичных проблем, не затрагивать конечные, решающие вопросы. Это отречение возводится ею в главную добродетель, и нет нужды повторять, что только за это она заслуживает аплодисментов. Но экспериментальная наука – только ничтожная часть человеческой жизнедеятельности. Там, где она кончается, не кончается человек. Если физик, описывая факты, задержит руку там, где заканчивается его метод, то человек, живущий в каждом физике, волей-неволей продолжит начатую линию до конца, подобно тому, как при виде разрушенной арки наш взгляд восстанавливает в пустоте недостающий изгиб.

Задача физики – отыскать начало каждого происходящего в данный момент события, то есть предшествующее событие, его вызывающее. Но этому началу, в свою очередь, предшествует другое начало вплоть до первоначала. Физик отказывается искать это первоначало Универсума, и правильно делает. Но, повторяю, человек, живущий в каждом физике, не

отказывается, и волей-неволей устремляется душой к этой первой загадочной причине. Это естественно. Ведь жить – значит общаться с миром, обращаться к нему, действовать в нём, задумываться о нём. Поэтому человек в силу психологической необходимости практически не может не стремиться обладать полным представлением о мире, целостной идеей Универсума. Этот выходящий за её пределы облик мира – груб он или утончён, осознан или нет – проникает в душу каждого человека и начинает управлять нашим существованием гораздо успешнее научных истин. В прошлом веке хотели остановить человеческий разум там, где кончается точность. Это насилие, это игнорирование конечных проблем получило название агностицизма.

Подобное нельзя ни оправдать, ни извинить. Ибо неспособность экспериментальной науки своими силами решить главные вопросы ещё не повод для того, чтобы, повторяя изящный жест лисы перед недостижимым виноградом, называть их «мифами», советуя от них отказаться. Как можно жить глухим к конечным, драматическим вопросам? Откуда пришёл мир, куда идёт? Какова в конечном счёте потенция космоса? В чём главный смысл жизни? Мы задыхаемся, сосланные в зону промежуточных вторичных вопросов. Нам нужна полная перспектива, с передним и задним планом, а не изуродованный пейзаж, не горизонт, лишённый манящего мерцания далей. Не зная стран света, можно сбиться с пути. И безразличие к конечным вопросам не оправдать ссылкой на то, что способ их решения не найден. Тем более, мы должны в глубинах нашего бытия с болью прислушаться к их требовательному зову! Разве исчезает жажда знаний, если её нельзя утолить? Пусть эти вопросы неразрешимы, но они не исчезают, а с наступлением ночи приобретают особый драматизм в дрожащем свете звёзд; ведь звёзды, по словам Гейне, это тревожные мысли ночи, сотканные из золота. Север и юг служат нам ориентирами, хоть это и не соседние города, куда можно съездить, купив железнодорожный билет.

Этим я хочу сказать, что нам не дано отказываться от конечных вопросов: хотим мы того или нет, они проникнут в нас в том или ином обличье.

«Научная истина» точна, однако это неполная, предпоследняя истина, она неизбежно сливается с другим видом истины – полной, последней, хотя и неточной, которую беззастенчиво называют мифом. Тогда научная истина плавает в мифологии, да и сама наука в целом является мифом, великолепным европейским мифом.

- 1) *Что изучает философия, что является объектом и предметом философского знания?*
- 2) *Какие задачи решает философия как наука?*